

Тёмная ночь, густые заросли, шелестящие кусты и непрестанно воющий ветер — всё это окружало Чжоу Сяньлэя, который, чтобы быстро завершить дело, даже не успел надеть пальто, следуя за Лян Сьюэ с самого её выхода из дома. Холодный воздух сжимал его сердце, но чувство удовольствия от убийства заставляло его сердце биться быстрее. Постепенно он ослабил хватку, тяжело дыша, словно старый волк после долгой схватки. Десятилетия назад он уже совершал подобное, и сейчас это не было для него новостью. Он справлялся с людьми быстро, точно и безжалостно, словно опытный и хитрый охотник. Даже если с возрастом его силы ослабли, зверь оставался зверем, и возраст лишь прибавил ему опыта.

Вдруг ветер изменил направление, и лай собак, ранее слышный отчётливо, теперь разносился в разные стороны, становясь всё более разрозненным. В холодном воздухе снежинки становились гуще и мягче, плавно опускаясь из плотных облаков и, подхваченные холодным ветром, медленно ложились на землю, превращая её в грязь.

Чжоу Сяньлэй медленно приходил в себя, его лицо озаряли редкие блики света, а извилистые морщины, словно следы времени, отражали его внутренний мир. Его веки, тяжёлые, словно ветви, покрытые толстым слоем снега, придавали его глазам особый блеск. С сожалением он посмотрел на безжизненное тело Лян Сьюэ у своих ног и хрипло произнёс:

— Глупцам не стоит пытаться быть умными. Твоя ошибка в том, что ты решила в одиночку угрожать волку, пусть даже старому и ослабевшему.

В холодной ночи, наполненной падающим снегом, его глаза светились ледяным блеском. Наконец, он медленно добавил:

— Что касается твоей тётки, надеюсь, она спрячется подальше. Но рано или поздно она всё равно придёт ко мне.

Его грубый, словно наждак, голос тихо разнёсся по холодному и безмолвному деревенскому двору.

Снег продолжал падать, а над уединённым горным храмом сгущались тучи. Густые деревья качались на ветру, и в шелесте листвы чувствовалось нечто тревожное.

В скромном буддийском храме Мастер Юаньтун с двумя-тремя учениками, держа в руках посохи, стоял во дворе, спокойно и уверенно наблюдая за неожиданным гостем.

На круглом каменном столе слева от двора стояла чашка чая, от которой поднимался лёгкий пар. На дне желтоватой жидкости плавали мелкие чайные листья, словно тихое предложение мира.

— Сострадание Будды, мы всегда рады гостям, — произнёс Мастер Юаньтун. — Владыка Утёса Моря Скорби, вы в прошлый раз не удостоили нас своим присутствием, но я приготовил скромный чай. Не соблаговолите ли выпить?

Цао Цзинсин, слушая приглашение этого старца, молчал, лишь слегка поворачивая взгляд, безэмоционально глядя на этих простых и неприметных монахов. Внезапно он фыркнул, лицо его потемнело, а сзади поднялся ураган, завывающий из долины. Плач и стенания, словно волны, накатывали из глубин гор, громоподобный шум сотрясал двор, заставляя молодых монахов обмениваться испуганными взглядами и принимать боевые стойки, напряжённо наблюдая за незванным гостем.

Мастер Юаньтун, сохраняя хладнокровие, поднял правую руку, останавливая невежливость своих учеников. Он хотел заговорить, но Цао Цзинсин опередил его.

Цао Цзинсин шагнул вперёд, направляясь к Мастеру Юаньтуну, стоявшему в центре. Его зрачки окрасились лёгким кровавым оттенком, а руки приняли форму когтей, оставляя в воздухе острые следы. Мастер Юаньтун, не ожидавший такого внезапного нападения, едва успел уклониться.

В спешке он осознал серьёзность ситуации: как по уровню духовного развития, так и по силе он не мог соперничать с противником. Он остановился, поставив ноги вместе, приняв устойчивую позу, и, не сводя глаз с Цао Цзинсина, ударил посохом, выпустив луч буддийского света — плод его столетних практик.

С древних времён тьма не могла противостоять свету. Цао Цзинсин, будучи Владыкой Утёса Моря Скорби из Подземного мира, мастером воды, в горах был в невыгодном положении, так как земля побеждает воду. Увидев буддийский свет, он слегка прищурился, удивляясь уровню развития мастера, но без колебаний продолжил атаку. Буддийский свет ударил по его правой руке, вспыхнув ярким светом, и он невольно закрыл глаза, ощущая резкую боль.

Мастер Юаньтун, увидев это, поспешно взмахнул рукой, и двадцать монахов во дворе, получив сигнал, быстро укрылись в храме, где находились статуи бодхисаттв. Двери храма с грохотом захлопнулись.

Оказавшись внутри, Мастер Юаньтун с серьёзным лицом скомандовал:

— Быстро переместите статуи бодхисаттв на четыре стороны света.

Монахи, следуя приказу, по двое-трое подняли каждую статую и установили их на юго-запад, север и восток, а затем укрепили у главного входа.

Цао Цзинсин, скованный буддийским светом, на мгновение замер. Увидев, что все укрылись в храме, он не стал беспокоиться, а лишь медленно прошелся перед мрачным и величественным зданием.

Ураган внезапно усилился, с грохотом разбив двери храма. Статуя бодхисаттвы у входа, несмотря на ветер, оставалась неподвижной, её взгляд излучал буддийское величие, спокойное, но не допускающее возражений. Цао Цзинсин слегка нахмурился, понимая, что весь храм, вероятно, окружён статуями, преграждающими путь.

Хотя он мог бы попытаться проникнуть сверху, разрушение крыши было бы равносильно разрушению храма, что слишком греховно. Сегодня он пришёл лишь для того, чтобы преподать урок этому старику, который любит вмешиваться в чужие дела. Если бы он разрушил статуи или храм, это могло бы дойти до Царя Ямы, и тогда игра не стоила бы свеч.

В мгновение ока Цао Цзинсин обдумал всё это, но его лицо оставалось невозмутимым. Он остановился, смотря на двери храма, за которыми продолжали выть горные призраки, их голоса были настолько громкими, что казалось, будто земля дрожит.

С разрушением дверей в храм ворвался ледяной ветер, развевая седую бороду Мастера Юаньтуна. Его морщинистые веки опустились, но глаза всё ещё излучали чистый свет. Несмотря на сложное положение, он сохранял спокойствие, лишь чуть крепче сжав в руке посох, и произнёс:

— Сострадание Будды, буддизм с древних времён следует пути самосовершенствования и сострадания ко всем живым существам. Это место всегда было мирным. Я не понимаю, чем мы могли вызвать ваш гнев.

Цао Цзинсин прищурился и усмехнулся. Ци Чжэн, судя по всему, получил от него что-то, а теперь этот старик делает вид, что ни при чём. Он сказал:

— Сегодня я пришёл лишь для того, чтобы напомнить вам: не вмешивайтесь в дела, которые вас не касаются. Иначе я не могу гарантировать, что этот храм останется целым.

Мастер Юаньтун сразу всё понял и был удивлён происхождением предыдущего посетителя. Однако, сохраняя внешнее спокойствие, он с достоинством посмотрел на Цао Цзинсина, похожего на призрака, и уверенно ответил:

— Буддизм с древних времён следует учениям Будды, мы никогда не вмешиваемся в чужие дела. Будь то призраки или божества, каждый идёт своим путём, не пересекая границ. Вам стоит беспокоиться о даосах, которые любят вмешиваться в чужие дела. Возможно, это и вызвало ваше недопонимание.

Его голос был громким и уверенным, как учение Будды.

Цао Цзинсин, услышав это, с усмешкой посмотрел на старика, который умело переводил стрелки на соседей. Он не знал, насколько тот верит в свои слова, но внезапно прекратил командовать призраками. Вокруг храма воцарилась тишина, столь внезапная, что казалось, будто всё происходящее было лишь сном.

Однако Мастер Юаньтун понял сигнал. Он опустил глаза, слегка поклонился и начал тихо читать молитвы. Ученики переглянулись, не понимая, что происходит.

Цао Цзинсин не сдержал лёгкой усмешки и сказал:

— Возможно, это действительно недоразумение. Я — Владыка Утёса Моря Скорби. В будущем,

если встретимся, будем полагаться друг на друга.

Мастер Юаньтун, хотя и ранил Цао Цзинсина, понимал, что по уровню и положению он уступает ему, поэтому смиренно ответил:

— Не смею, не смею. Благодарю вас за вашу снисходительность. В будущем, если встретимся, буду рад оказать вам гостеприимство.

<http://bllate.org/book/15406/1361923>